

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич
**Записки из старого баула
в синюю клетку
(Продолжение)**

Тётя Соня (Лирическое отступление)

Когда немецкое государство наконец-то созревает, чтобы оценивать мою работу по заслугам, и наше материальное благосостояние более-менее стабилизируется, мы решаем «начинать собирать камни» и приглашаем родственников и друзей в гости. В Европу, так сказать.

Одной из первых – тётя Соня из Хабаровска. Вернее вот так: «тётя Сонечка из Хабаровска», так как её имя уже давно стало в нашей семье нарицательным. Наричательным доброты, родственности и хорошего человека.

Тётя Соня и её родители сыграли очень важную роль в моей жизни. Без них, возможно, не было всего того, что из меня получилось. Во всех смыслах. Так что, в рейтинге «кому я по жизни обязан», они стоят на втором месте после мамы с папой и старшей сестры.

Тётя приезжает, и мы начинаем ездить. Много и далеко. Интересно и вкусно. Весело и познавательно. Лена с Игорем организуют, я – в качестве водителя и собутыльника. Прошлись, как говорится, по местам боевой славы окаменевших в памятниках европейских знаменитостей. Плюс стандартный дрезденско-венский гостевой набор.

Тётя Соня – родной человек удивительной доброты, непростого характера, весёлого нрава, нелёгкой женской доли и тяжёлого, но справедливого чувства юмора. А ещё, она замечательный учитель русского языка и литературы. А это диагноз. В хорошем смысле этого слова.

Мы предлагаем ей переезжать к нам в Германию навсегда. Она отказывается – у неё там, в Хабаровске, «оковы» – родственники, которых она тянет. Мы суём деньги, тётя не берёт – приходится применять грубую мужскую силу. Хорошее было время.

Почему я о Сонечке вспомнил? Да просто приятно думать и вспоминать о добрых и дорогих тебе людях. И всё.

Народ разъехался из общежитий по квартирам, но желание общения осталось. Мы приглашаем, нас приглашают.

Выбор новых знакомых и приятелей напоминает закупку продуктов сразу по приезду: цена видна, название непонятно, качество провианта не известно. Поэтому выбираем, что поярче и подешевле. Потом оказывается, что некоторые знакомые интересны и приятны, другие несъедобны, а порой даже ядовиты, но большинство обладают-таки неожиданно приятным послевкусием. Через некоторое время публика фильтруется, разбредается, сообщества сортируются, формируя группы по интересам, месту жительства или пристрастию к алкогольным напиткам под хорошую закуску. Мы пытаемся совмещать.

Больница

– Я очень сожалею, но я вынуждена зарегистрировать ваше заявление о приёме на работу под номером 156! Претендентов, как видите, много. Я, конечно, приму его, но сами понимаете, шансов у вас практически нет, – милая дама бальзаковского возраста фрау Мауэрсбергер, секретарша главного врача клиники доктора Лободаш, симпатизирует мне, но и сочувствует. Место одно, а желающих больше ста пятидесяти. И все они – носители. В смысле, языка.

– Я готов работать бесплатно, – в голову приходит спасительная мысль, – без места. И потом, у меня одиннадцать лет стажа и клиническая ординатура на кафедре.

– Хорошо, я поговорю с главным, – она не знает о чём я, но ей хочется помочь, – и ещё... вам бы немецкий подучить...

На аудиенции через две недели главный врач доктор Лободаш пристально и долго смотрит в глаза. Изучает. Размышляет. Весы моей судьбы качаются в его голове туда-сюда.

– Три месяца бесплатно, – он наконец принял решение, – но, в полную силу. Проявите себя – посмотрим, может возьмём, если нет – не обессудьте.

Я иду в социаламт, нужны деньги на пропитание для этих трёх месяцев.

– Фрау, мадам, сеньора, товарищ, я врач. Мне надо работать. Пока есть только, и то возможно ненадолго, бесплатное место в клинике. Подайте бедному «бывшему пионеру» денег на поесть-попить.

Фрау проникается ко мне всей своей беамтовской душой и даёт добро на эксперимент. Сто тридцать марок в месяц на питание на троих голодных – это немало. Почти пять единиц из нашего небогатого финансового ресурса в день на семью – можно жить.

Я начинаю работать в немецкой больнице.

– А ну-ка, коллега, зайдите ко мне, надо кое-что обсудить, – голос заведующего отделением доктора Томаса не возбуждает и предвещает неприятности.

В руках он держит моё произведение искусства – выписку первой настоящей пациентки. Диалог получится очень содержательный:

– Это что?

– Выписка.

– Чья?

– Пациентки.

– Я имею в виду, кто написал?

– Секретарша.

– Хорошо, а диктовал кто?

– Я.

– Шайз-дрек, а не выписка.

Доктор Томас с наслаждением разрывает мой опус на мельчайшие кусочки и выпускает в свободный полёт в направлении мусорной корзины.

– Идите, пишите новую, – аудиенция закончена.

В течение последующих трёх часов в полёт в тёплые края

из его рук отправляются ещё четыре выписки. Запасы бумаги в стране головокружительно сокращаются.

– Ладно, эта сойдёт, – пятую тайком написала секретарша главного, пожалев бедного еврея, – но, у меня есть «радостная» новость для вас: с сегодняшнего дня все выписки по всему отделению диктуете исключительно вы. Это большая честь, не подведите меня, – он улыбается вежливо, но кровожадно.

Впоследствии мы с доктором Томасом подружились, а много лет спустя в мою бытность главным врачом уже я взял его на работу в качестве гостевого хирурга и однажды в шутку разорвал его выписку. Мы вместе посмеялись, вспоминая нашу совместную работу и молодость. И дружим до сих пор.

Дочь старшая

Ребёнка в школе три подонка обозвали жидовской свиньёй. Я иду к директору гимназии.

– Или вы решаете эту проблему, или я буду её решать сам на свой русский (!) манер, – я и сам не знаю, что это означает, у меня нет опыта подобных разборок. Последний раз такое было лет сто назад, в детстве, ещё на Украине, когда дочь обозвали в школе жидовкой. Меня трясёт от злости, наверное я выгляжу грозно. Директор пугается, в голове у него проскальзывают сцены Сталинградской битвы и взятия Берлина. Он принимает меры. Обормотов и их родителей вызывают к директору и заставляют извиниться. Если ещё раз подобное повторится – их отчислят.

В Германии активно борются с антисемитизмом. И вообще, складывается ощущение, что с евреями боятся связываться. Евреи в Германии, как святой Грааль: с ними носятся и боятся уронить на пол. Не дай Б-г, в мире подумают, что немцы забыли свои прошлые злодеяния. Они, очевидно, не забыли. Как и свой затаённый антисемитизм тоже.

Дочь учится хорошо, одна из лучших в классе. Ребёнок растёт умный и не проблемный. На дискотеки не ходит, с мальчиками не общается, ночевать уходит исключительно к подружкам, да и то для дополнительной подготовки к совместной работе по математике и химии. Я наивен и доверчив, простодушен и легковерен. Приятно иметь дело с мудрой подрастающей женщиной. Родителям, как и будущим мужьям, необязательно знать все подробности бурного подросткового прошлого.

Жена

Последнее место работы супруги в Украине – солистка городской филармонии. Колоратурное сопрано. Амбиции на новом месте не соответствуют знаниям немецкой орфографии.

На прослушивание в городском театре оперы и балета идёт с переводчиком: «На солистку вы не тянете, не справитесь с немецкой партитурой, а для хора вы слишком профессиональны вокально».

Замкнутый круг.

Для начала подбирается команда из трёх человек: ведущая программы, пианистка и моя жена. Концерты

в основном в домах престарелых, там их немецкий, пропущенный через слуховые аппараты альцгеймеровских больных, не так уж и плох. Пятьдесят марок на троих. Весьма терпимо для начала.

Через год собирается трио уже профессиональных музыкантов: Таня и Маркус Функ – рояль и духовые, солистка – моя супруга. Маркус – был Вадим, теперь стал Маркусом. Фамилию он тоже поменял с чего-то типично русского на типично немецкое. С немцами жить – по-немецки быть. Таня была и осталась Таней.

Теперь те же дома престарелых плюс концерты для русскоговорящей публики, например в еврейской общине, или куда позовут. Те же пятьдесят марок на троих, но уже на высоком профессиональном уровне. Цель та же – пятьдесят марок. Каждому!

Хорошее время.

Таня и Маркус – друзья на все времена. Встречаемся, правда, редко. Они работают в музыкальной школе. Жена-таки в хоре театра.

Дежурство

Через три месяца испытательного срока меня взяли на постоянную работу, но на полставки. Зато работать надо на целую, причём почти каждый день приходится оставаться на два-три часа дольше и доделывать то, что за день не успел. Везде хожу со словарём, записываю новые слова. Сегодня – второе дежурство. Причём за деньги. Это важно.

– Доктор, там пациентке из пятой палаты надо после операции кровь переливать, – молоденькая медсестра только недавно начала работать в отделении, – я забрала её из лаборатории, только она из холодильника и ещё холодная. Что делать?

– Так ты положи её в микроволновку на две минуты на 600 Вт. и всё будет хорошо, – я шучу серьёзным голосом, не отрываясь от заполнения журнала обхода.

Через две минуты в отделении грохот, шум, крики и слёзы. Неопытная медсестра сделала всё буквально. Видно, плохо училась – такое преподают на первом курсе училища. И шуток не понимает. Кто ж думал, что у неё хватит ума засунуть кровь в печку. Я не учёл немецкой дисциплинированности.

На следующий день меня увольняют с работы по статье. Шутка не удалась.

Мой главный врач доктор Лободаш молчит и хмурится, но идёт к управляющему лечебным заведением, закрывается с ним на час, непривычно громко разговаривает и стучит кулаком по столу. В итоге он поручается за меня и обещает взять хулигана на поруки. Уж очень ценный кадр. И почти бесплатный.

Меня оставляют работать до первого проступка. А из зарплаты за дежурство вычитают шестьсот марок в счёт стоимости микроволновой печи и двести за испорченную капельницу с кровью. На два ближайших месяца остаюсь в минусе. Деньги на жизнь занимаем у родителей.

Я извиняюсь перед медсестрой, дарю ей конфеты и обещаю жениться. В следующей жизни. Она прощает, но замуж не соглашается. Бойтся, наверное.

В больнице у меня появляется реноме опасного и неблагонадёжного шутника.

Машина

– Сегодня в Германии особенный день: мужской. В Союзе такого не было, – разъясняет новый приятель Вова, – пошли с нами по городу бухать.

Нас несколько человек. Бухать – это в прямом смысле. Когда вижу количество взятого с собой, остаётся одна надежда – на мою закалённую печень.

Дорога ведёт через его знакомого, у которого своя стоянка по продаже подержанных автомобилей. И ресторан армянской кухни. Там мы пьём и хорошо закусьваем. Этот знакомый в советско-гедезровские времена работал в полковом оркестре в советской воинской части. В смутные времена вывода советских войск из Германии он «пропал без вести», и с полком не вышел. Тогда пропадали целые эшелоны с танками и боеприпасами – не то, что армянский музыкант. Так он остался в Германии. Теперь у него ресторан и стоянка подержанных машин.

Глаза разбегаются от немецких и прочих авто, изо рта текут слюни. Хочется стать владельцем железного коня.

– Бери эту, не пожалеешь. Я своим плохое не подсуну. Машина «Рено», старушке двадцать лет, но выглядит неплохо. Причёсочка, губки, носик. Всё подкрашено, припудрено. Стёкла электрические, сидения красивые, магнитола на месте. В остальном я не разбираюсь.

– Я скидку сделаю, как для своих.

На ценнике стоят 4000 марок, мне предлагают за 3000. Я торгуюсь и покупаю за 2900.

Покупку обмываем всей компанией – наконец-то нашёлся повод.

У меня первая машина в Германии. Я счастлив.

Больница. Нравы

8 марта – Международный женский день.

Но это было там. А тут обычный рабочий, ничем не примечательный.

Но мы, советские, не сдаёмся. Я приношу на работу торт «Киевский» и десяток цветов – по одному каждой докторше. Номер не удался, цветы остались стоять в вазе в приёмной у главного, а торт слегка надкусила сердобольная секретарша, увидев моё расстроено-потерянное лицо.

Может, немецкие представительницы прекрасного пола не воспринимают себя женщинами?

Наверное, дело было всё же в торте, а не в менталитете.

*Продолжение следует
(Начало в №12 – 2021, №2 – 2022)*

♥ P.S.:

Ну, и пользуясь случаем, поздравляю наших женщин с их профессиональным праздником. Оставайтесь прекрасной и сильной частью нашей жизни.

Ваш доктор Шаевич